

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ РЕЙС

Москва
2022

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Костер горел охотно. Охотники собирали серые прошлогодние ветки, высушенные солнцем и ветрами. Ломались они со звоном и загорались весело, ярко, давая хороший жар.

Котелок закипал, старый Алгыр начал засыпать в него шепотями травы из заветного мешочка. Старческие губы что-то шептали, будто сопровождали каждый пучок сушеной травы напутствием дать отдых и силу людям, отогнать хворь и усталость. Охотник щурил глаза, улыбаясь огню.

Усевшись на корягу и поджав под себя ноги, Алгыр разгладил жиденькую седую бороденку. Покой. Это старик ценил в жизни больше всего. Покой давало осознание, что в семье порядок, что дети здоровы, что рождаются и растут внуки. И что тайга добра к человеку и дает ему дичь, травы, орехи. Дает столько, чтобы прокормиться. И каждый день наполнен благодарностью человека природе и природы человеку, что тот берет ровно столько, сколько ему нужно.

Равновесие, как в лавке, в которой всю жизнь Алгыр покупал табак и порох.

Но мир меняется, и покоя в душе все меньше. Нет, не за себя поднималась в душе тревога у старого охотника — его век близится к концу. Тревога за близких, за молодежь, которой жить в этом быстро меняющемся мире. Но ничего с этим не поделаешь. Надо жить в ладу с другими и со своей душой. А поладить всегда можно. Жаль, не понимает этого старый друг Тулуй. И этот русский Мулымов, что сидит сейчас у костра вместе с якутскими охотниками. Тоже все бродит по земле, все ищет что-то — беспокойство от него. Вроде и хорошее дело делает, думает, как живут растения и животные, думает, как помочь им и как не навредить, но беспокойства в нем много, это хорошо видно. Зачем идешь в тайгу, если на душе неспокойно? Если на душе неспокойно, идти нужно к людям.

— Снег в этом году поздно ляжет, — делая какие-то записи в блокноте, сказал Мулымов. — Кабарга и изюбрь уйдут далеко в тайгу, охота плохая будет.

— Это и видно из твоих стекляшек на носу, — проворчал Тулуй, ломая и подбрасывая в костер сухие ветки. — Мясо надо успеть на-

коптить на зиму, шкуры выделать. Зимняя шкура хорошая. Тепло носить будет. А зверь ушел. Голодно будет в деревнях, холодно будет.

— Всей стране голодно и холодно! — нахмурился биолог и поправил очки на носу.

Снова в небе послышался гул. Охотники подняли головы и стали смотреть на небо. Над тайгой появился большой самолет. В вечернем небе тускло блеснули серебром его крылья. Еще две минуты, и самолет скрылся за кронами деревьев.

Алгыр покачал головой. Зачем человеку небо? Ему даны ноги, чтобы ходить по земле. Зачем так высоко поднимается, что он там ищет, куда идет?

— Жадность влечет человека, — ответил хмурый Тулуй. — Мало ему земли. Большая беда будет, если человек до солнца дотянется.

— Не жадность, — улыбнулся Алгыр. — Человек — что ребенок: ему все интересно, он все хочет попробовать. Любопытство ведет человека. Крылья даны ему любопытством.

— Крылья — зло! Змея летать не может, она из травы жалит. Дай ей крылья, и не будет от нее спасения. Всякой твари свое место отведено.

— Человек — не тварь, — возразил Алгыр.

Но тут охотников перебил Мулымов.

— Вы оба правы и оба не правы, мудрые старики, — сказал биолог, убирая блокнот в карман ветровки и складывая очки. — И насчет любопытства, которое ведет человека к свету, и насчет змеи, обретшей крылья. Война идет, большая война. И крылья несут сейчас воинов навстречу врагам, защищать свои дома.

— Что за война? Какая война? — Тулуй задумчиво посмотрел на русского ученого. — Далеко от нас, зачем здесь летают крылья? Пусть там бы летали, где война.

— Вы веками живете в тайге, — вздохнул Мулымов. — Ничего не меняется здесь. Но мир больше, чем ваша тайга, и он находится в движении.

— Наш маленький мир, в нем маленькое зло, — согласно кивнул Алгыр. — В большом мире большое зло. Много людей, много зла. Но когда много людей, то и добра много. А доброе всегда зло побеждает. Это в каждом из народных преданий, испокон веков об этом говорится.

— Маленькое зло? — Тулуй вскинул голову. — А вот крылья пролетают над нами, над поселком, над нашей тайгой. И сюда зло добралось.

— Эх, старики, — рассмеялся Мулымов. — Вы медленно живете. Вы не помните, когда ваши предки охотились и не знали ружья и пороха...

Начальник заставы лейтенант Прохоров опустил бинокль. Его пограничникам приходилось охранять один из самых сложных участков дальневосточной границы СССР. Река Амур, по которой проходила государственная граница, в этих местах сильно петляла, разбивалась на несколько протоков, омывая небольшие острова. Только вода, только камни и искореженные деревья, которые пытались расти среди скал. Не уследи — и нарушитель скроется севернее в маньчжурской тайге. И не найти там ни его самого, ни его следов.

Двое молодых пограничников и опытный седоусый старшина Антипенко находились поодаль, опустившись на одно колено и держа наготове карабины. Сержант Дюжев, рассудительный, из сибиряков, лежал рядом с командиром и больше смотрел на птиц, что кружили над островами.

— Здесь они пойдут, товарищ лейтенант, — уверенно повторил сержант. — Акимка врать не станет, он сколько раз уже помогал нам.

Акимкой на заставе звали китайца Ким Чона. Рыбак, проводник, известный травник и лекарь народными методами, он знал эти места как свой карман. Тут жили и его предки, а родственников у Акимки что по эту сторону границы, что по ту было не счесть.

— Наш Акимка — товарищ проверенный, — согласился Прохоров. — Но вот в чем беда-то: и кроме него есть опытные охотники и следопыты в Маньчжурии.

— А может, просто мины поставить, товарищ лейтенант? — не унимался Дюжев. — Чего мы вылеживаем, караулим? Пришел чужой — на тебе по сопатке. А нечего лезть! С врагом у нас разговор короткий. И все будут знать...

— С врагом — да, сержант! — терпеливо согласился командир заставы. — А с другом? А если охотник с той стороны заблудился, а если простой крестьянин? Ты знаешь, что в Китае сейчас в некоторых провинциях голод, что там до трети населения в деревнях с голоду умирает? Вот и бывает, что от отчаяния идут к нам за помощью. Выжить хотят. Знают, что Советская страна не бросит трудящихся, обязательно поможет. Мы же не империалисты, мы — страна трудового народа. Вот так-то. На соседних участках бывало такое, и в других отрядах стал-

кивались с ситуацией, когда китайские крестьяне сотнями шли на нашу территорию.

— А мы что же? — сержант аж присвистнул и сдвинул на затылок фуражку.

— А что мы? Конечно, всех накормили, обогрели, но и проверочку сделали. Враг, он не дремлет, и среди беженцев бывает, овечкой прикидывается. Такая наша служба, товарищ сержант. А сейчас — отставить политинформацию. Наблюдать за сопредельной территорией!

Около часа пограничники в полном молчании наблюдали за рекой и зарослями на противоположной стороне. Но вот шелохнулись кусты. Прохоров навел бинокль на подозрительный участок речного берега и стиснул зубы. Вот тебе и Акимка! А они пошли здесь! Голова, повязанная платком, некоторое время возвышалась над кустами, поворачиваясь то вправо, то влево, потом на мелкое каменное крошево у самого уреза воды вышел невысокий человек — по виду китаец. Ботинки, перетянутые полосами ткани икры, карабин, заброшенный за спину. Узкие длинные усы трепал ветерок.

Из кустов один за другим появлялись люди и, торопливо шлепая по мелководью сапогами, бежали к советскому берегу. Один, второй, третий... восемь... двенадцать! И у каждого в руках

карабин, почти у каждого за спиной набитый чем-то тяжелый солдатский вещмешок. Два ручных пулемета: в голове группы и на замыкании.

Сержант Дюжев молчал рядом. Лейтенант покосился на пограничника и заметил, что тот сжимает свой карабин так, что пальцы побелели.

— Спокойно, Дюжев, спокойно, — проговорил начальник заставы.

— Товарищ лейтенант, они же с оружием идут! — громко прошептал сержант. — Это не просто нарушители...

— Да, это банда, это диверсанты, которые идут взрывать и убивать! — зло бросил начальник заставы. — За мной!

Когда лейтенант Прохоров вместе с сержантом прыгнул за камни, где находились в «секрете» пограничники, старшина Антипенко принялся докладывать о своих наблюдениях. Судя по всему, группа нарушителей была одна. Двенадцать человек со стрелковым оружием и при двух ручных пулеметах. Сейчас начальнику заставы приходилось принимать важное решение, и ошибиться он не имел права. Впятером задержать или уничтожить нарушителей сложно. Там вполне могли оказаться подготовленные

и умелые бойцы. А у Прохорова из пяти пограничников двое неопытных, необстрелянных, не участвовавших в задержаниях, а тем более в полноценном бою с врагом. Послать кого-то на заставу за помощью? На это уйдет несколько часов, половина дня. За это время банда скроется в глубине советской территории. Скорее всего, нарушители разделятся на несколько мелких групп.

Надо все сделать самим, и быстро! Теми силами, которыми в настоящий момент располагал Прохоров.

— Вот что, Антипенко, — лейтенант на миг задумался, покусывая от напряжения губу, — возьми одного бойца с пулеметом и по гряде выходи к Тигриной Пади.

— Они медленно пойдут, таиться будут, — согласился старшина. — Успеем, товарищ лейтенант. По гряде бегом можно. Вон Волкова возьму. У него ноги быстрые, в спартакиадах до войны побеждал, говорит.

— Хорошо. — Начальник заставы оценивающе посмотрел на пограничника Волкова. — Забирайте все гранаты, и бегом. Ваша задача — остановить нарушителей и не пропустить вглубь советской территории. Мы с Дюжевым и Плыновым ударим с тыла, зажмем их с двух

сторон. Вы, главное, продержитесь до нашего подхода.

— Есть продержаться, — бодро ответил старшина. — А ну-ка, бойцы, перемотать портянки, оружие проверить!

Лейтенант кивком отозвал Антипенко в сторону. Старшина, покручивая седой ус, посмотрел начальнику заставы в глаза. Оба понимали всю сложность задачи. По большому счету надеяться приходилось на чудо и на то, что звуки стрельбы услышат на заставе и вышлют тревожную группу. Еще надеяться приходилось на две сигнальные ракеты, которые на заставе обязательно увидят. Эти ракеты как раз и означают, что произошло нарушение границы и что наряду нужна помощь. Давать сигнал ракетами сейчас нельзя, иначе банда быстро рассредоточится и уйдет. Только с началом боя! А потом... Час или два придется ждать помощи и сдерживать нарушителей, отстреливаться и не давать им продвинуться вперед. Собственно, нельзя им дать уйти назад. Сложная задача. Но кто сказал, что у пограничников есть задачи легкие? Специфика службы!

— Все понимаешь, старшина? — тихо спросил начальник заставы.

— Чего ж непонятного, товарищ лейтенант, — кивнул Антипенко. — Решение вы при-

няли правильное. Другого выхода у нас нет. Вы за молодых ребят не беспокойтесь. Надежные они, хоть и не очень умелые. Никто не отойдет! Даже не сомневайтесь!

— Я и не сомневаюсь, — улыбнулся Прохоров. — На тебя как на себя самого надеюсь.

Ветер гнал над головами рваные тучи, небо то хмурилось, то распахивалось, пропуская солнечные лучи. Трепетали листья осин и уродливых берез среди камней. Тревожно было в небе, тревожно было на душе. Вся страна сейчас билась с ненавистным врагом на западе, а здесь, на востоке, через границу то и дело запускали свои жадные шупальца иностранные разведки, прищешники Гитлера и милитаристской Японии. И гибли пограничники, гибли товарищи в неравных схватках. Поднимаясь по ночам в любую погоду на перехват чужих банд и групп нарушителей, вставали грудью на пути врага, заступая ему дорогу на нашу территорию.

Первую пулеметную очередь Прохоров услышал через два часа. Очередь была длинная — патронов в двадцать. «Эх, старшина! — мысленно посетовал начальник заставы. — Не части, экономь патроны!» Но лейтенант просто не знал, что Антипенко сумел найти такую позицию, с которой тропа была как на ладони. Он

и красноармеец Волков успели буквально в последнюю минуту — упали за камни, когда в ста метрах перед ними появилась банда.

Восстанавливая дыхание и смахивая со лба пот, старшина позвал пограничника:

— Волков, видишь сосну слева, повыше нас? Поднимись туда и не высовывайся. Смотри на тропу. Как только группа дойдет до лежащего поперек ствола дерева, крикнешь, как положено по уставу, предложишь сложить оружие и поднять руки. В тебя начнут стрелять. Тут ты сразу за камни и жди. Как заговорит мой пулемет, ты присматривайся к ситуации. Выбирай цель и стреляй только наверняка. Позицию почаще меняй. Понял, Волков?

— Так точно, товарищ старшина, — волнуясь, ответил пограничник.

Антипенко лег щекой на приклад ручного пулемета, глубоко вдохнул и выдохнул, подводя мушку под живот первого, шедшего по тропе противника. Старшина старался глушить в себе радость от того, что удалось найти такую позицию. Долго, очень долго, секунд двадцать, вся группа будет как на ладони, вся под прицелом. И быстро спрятаться, укрыться от огня им некуда. Повезло, не напортачить бы, не подвести лейтенанта.